

АПОЛЛОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГРИГОРЬЕВЪ.

Мертвый въ гробѣ мирно спи,

Жизнью пользуйся живущій!

Въ пятницу 25-го сентября умеръ нашъ другъ и сотрудникъ Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ⁽¹⁾.

Потеря его для насъ велика и незамѣнима. Многое еще не досказано имъ; многое, высказанное мимоходомъ, не получило достодолжнаго развитія.

Чтобы понять и вѣрно оцѣнить жизнь и литературную дѣятельность Григорьева, надо уяснить себѣ его основныя воззрѣнія, или, вѣрнѣе и лучше, вѣрованія. Мнѣ кажется я не ошибусь, если скажу, что основой его личности была полная, безъ поворота, *вѣра въ жизнь* и *вѣра въ искусство*, какъ въ одно изъ главнѣйшихъ выраженій жизни. Вѣра въ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ; въ жизнь безустанно развивающуюся, по своимъ основнымъ извѣчнымъ законамъ; въ жизнь, которую нельзя затиснуть въ рамку никакой -- какъ-бы умна она ни была -- теоріи; въ вѣчно юную и любящую, постоянно обманывающую строгія, но сухія выкладки ума, -- въ то, что покойный называлъ *ироніей жизни*.

И такъ, не предписывать законы ей надо, а съ любовью изучать ихъ; не учить, но поучаться. Не съ легкой насмѣшливостью, а съ благоговѣніемъ надо приступать къ этому изученію. Тутъ дѣло въ томъ, чтобы понять, вѣрно оцѣнить данное явленіе; оцѣнить жизненное-ли оно, коренное явленіе, или наносное, механическое; изучить исторію его развитія; по мѣрѣ силъ, постигнуть основные законы этого развитія; но законы эти не ставить мѣркой другимъ подобнымъ явленіямъ, не считать ихъ безусловно-справедливыми; жизнь не справляется о нашихъ выводахъ; *жизнь творитъ*. И потому-то всякое проявленіе жизни нужно судить, по вѣщему слову пѣвца Полка Игорева, "по былинамъ сего времени, а не позамышленію Бояню".

Какъ легко и удобно объясняется жизнь по мѣркѣ извѣстной теоріи и какъ трудно изучать ее, открывать ея собственные сокровенные законы! Легко объяснять исторію человѣчества простыми случайностями, механическимъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ, особенно глупостію и неразвитостію предковъ; но не легко разгадать законы ея развитія, -- то какъ постепенно раскрывались они. Какъ легко, во время оно, объяснялась, наприимѣръ, исторія земнаго шара! Геологическій переворотъ, вслѣдствіе чисто-механическихъ причинъ, -- и начинается новый періодъ. Неизмѣримо труднѣе понять органическую связь двухъ періодовъ, разъяснить, что послѣдующій есть высшая степень развитія предыдущаго!

Механическое, разсудочное объясненіе обыкновенно удовлетворяетъ многихъ, преимущественно скудно -- одаренныхъ жизненными силами и скудныхъ мышленіемъ; ктому-же льститъ амбиціи: "какъ это они такъ цѣлые вѣка бьются, а я такъ скоро все это взялъ да и понялъ." Мѣщанство было всегда не только закоренѣлымъ врагомъ, но и *искажителемъ* науки. Но не такой человѣкъ былъ Аполлонъ Григорьевъ, чтобы успокоиться подобными объясненіями. Онъ не удовлетворялся поверхностнымъ знаніемъ; онъ не могъ, въ угоду теоріи, не замѣчать жизненнаго явленія, когда оно тутъ, передъ глазами, громко кричащее о своемъ существованіи. Ему требовалось изучить его, опредѣлить точно, безъ всякой предвзятой идеи. Не отъ предмета, не отъ частнаго явленія шла его мысль, а къ предмету, къ изученію частнаго явленія.

Чтобы вполне и достодолжно оцѣнить критическую дѣятельность покойнаго нужно также показать, какъ зародились въ немъ его воззрѣнія, какой источникъ оживилъ его мысль.

Бываютъ времена, когда жизнь громко заявляетъ свои требованія; когда прежнія спокойныя, отшлифованныя и отполированныя, воззрѣнія не удовлетворяютъ людей; когда чувствуется потребность *новаго*, живаго слова; когда условныя понятія тяготятъ; когда хочется жить не однимъ разсудкомъ, а всѣмъ существомъ, т. е. жить взаправду; когда хочется постигнуть тайну жизни не сухимъ логическимъ путемъ, а всѣмъ душевнымъ и сердечнымъ строемъ; когда мысль и слово становятся живыми, поэтическими, одухотворенными.

Такова была великая эпоха, выразителемъ стремленій которой былъ великій учитель людей